

Часть 1

МОНАСТЫРЬ

1. Старые иконы

Шарлотта негодовала. От возмущения ее курносое лицо стало пунцовым, руки взмокли, а речь — как ни старалась она говорить спокойным голосом — становилась все быстрее, выдавая волнение. Поводов для недовольства накопилось много, и сейчас Шарлотта вываливала их на своего непосредственного начальника один за другим, как обманутый покупатель на рынке возвращает гнилой товар продавцу. Словно подтверждая слова хозяйки, хохолок из мягких русых волос вздрагивал в такт звонкому голосу.

Сегодня утром, придя на работу, Шарлотта обнаружила в электронной почте поручение «направить не менее трех сотрудников вверенного ей подразделения для участия в тимбилдинге с целью развития навыков делового общения и командной работы». Список потенциальных участников требовалось подать до 15:00. Распечатав приказ, она ринулась сообщать руководителю, что ее команду уже давно разогнали, тогда как в Группу реставрации мебели за год приняли уже троих новеньких.

В спокойном состоянии начальник Реставрационных мастерских, вероятнее всего, согласился бы с Шарлоттой, так как скудость финансирования ка-

салась всех сотрудников Галереи и претензии руководителя Группы реставрации живописи были более чем справедливы. Но несколько минут назад он сам получил нагоняй от директора и теперь ощущал потребность выпустить пар. Директор, конечно, погорячился, но кто же спорит с директором!

Галерея считалась самым крупным художественным музеем в городе, и, несмотря на то, что собранная в залах коллекция не могла похвастаться мировыми шедеврами, о ее руководителе знали даже за пределами страны.

Начальник Реставрационных мастерских пожегился, вспоминая обидные слова шефа. Стремительный карьерный рост сделал его чувствительным к малейшей критике, и сейчас, выйдя из кабинета директора, он ощущал острую потребность показать окружающим собственное превосходство. Случайно подвернувшаяся под руку Шарлотта как нельзя лучше подходила на роль зрителя: до сегодняшнего дня она безропотно проглатывала вспышки начальственного гнева. Молодая женщина отдавала должное энергии и мастерству своего руководителя и поэтому прощала его, даже если он кричал на нее, краснея и брызжа слюной.

Первое пятно на репутации начальника Реставрационных мастерских появилось год назад, когда он без боя позволил отправить на пенсию шестидесятилетнюю Надин. Говоря честно, Надин талантами не блистала, но вполне добросовестно выполняла значительную часть рутинных операций. Тем более что Группа и до сокращения едва-едва справлялась с работой, хотя ни Рембрандта, ни Веласкеса в музее не было и, увы, не предвиделось.

Еще более тяжелые времена настали, когда в декретный отпуск отправились сразу две сотрудницы и Шарлотта осталась один на один со всем объемом

работы. Правильнее было бы сказать, что их осталось двое, но помощник, которого приставили к Шарлотте, — племянник директора, по прозвищу Николая, за полноценного сотрудника считаться не мог. Большую часть времени он посвящал общению со своим айфоном и умудрялся запороть даже самую простую задачу. Рычагов воздействия на него ни у Шарлотты, ни у начальника Реставрационных мастерских не имелось, а взять на место ушедших сотрудников новых людей руководство не спешило.

Столкнувшись с Шарлоттой в дверях, он заставил девушку вернуться на рабочее место и сесть на стул. Заняв выгодную позицию по другую сторону стола, шеф воспрянул духом, решив, что сейчас он всем покажет. Однако бой на своем поле придал уверенности и его противнице.

— Отправляйте на учебу реставраторов мебели. Их теперь много, пусть они там и водят хороводы вокруг стульев!

Шарлотта взмахнула рукой, показывая, как именно можно водить хороводы, и случайно перевернула банку, в которой замачивала кисти. По комнате поплыл резкий запах растворителя. Несколько капель, попавших на рукав, превратились в расплывчатое пятно.

— Я одна должна и работу делать, и статьи писать, и на запросы бухгалтерии отвечать! А Йотсон требует сегодня же согласовать новый невысказанный регламент возврата экспонатов в хранилище.

— Директор хочет, чтобы сотрудники научились работать в команде.

— Какая, к черту, командная работа?! Художники не пишут картины втроем! Мы не футболисты! Реставраторы работают по-о-ди-ноч-ке! К нам очередь расписана на три года вперед, а я должна потратить целый день на пляски с бубнами!

— При чем здесь пляски с бубнами?

— Шаманские пляски считаются первыми ролевыми играми, прототипом тимбилдинга.

— Ну ты загнула! Это мероприятие организовали наши спонсоры!

— Ага, и мы пойдем смотреть, на что тратят деньги спонсоры, а работа пускай ждет в кладовке.

— Ты должна успевать везде.

— Даже если вы запрете меня в мастерской и не будете выпускать в туалет, я не смогу делать больше, чем сейчас!

— Тебе директор поручил обеспечить явку троих человек? Вот и выполняй!

— Где я возьму троих, если нас всего двое?

— В Китае ученых заставляют осенью убирать с полей картошку, а ты на тренинг не хочешь идти! Да, кстати, завтра привезут три картины на деревянной основе. Посмотри, что с ними. Их нужно сделать быстро, — за реставрацию заплатят большие деньги.

— Быстро?!

Серые глаза Шарлотты приобрели стальной оттенок, и начальник отступил на полшага к двери.

— Да. И посмотри — в них наверняка жучок! О борьбе с ним потом статью куда-нибудь тиснем. Очень интересные экспонаты.

— Откуда они — такие... интересные?

— Из монастыря Святого Николая. У тамошнего архимандрита, кстати, впечатляющая коллекция предметов искусства. А ещё в этом монастыре готовят армейских священников.

— Зачем в армии священники? Это звучит даже странно... — Шарлотта немного успокоилась и примирительным тоном добавила: — Тогда картинами займется Николая.

— Нет, сама! Я доверяю только тебе.

— Но когда?!!

— Это уж сама решай. Жду фамилии тех, кто пойдет на пляски с бубнами.

С этими словами начальник переключился на разговор по мобильному телефону, и предложить отправить жучков, вернее, картины, в отдел реставрации мебели Шарлотта не успела.

Раздосадованная тем, что не смогла найти нужных слов и отказаться от непривычной для нее работы, она села за «Зимний пейзаж». На потемневшем от времени полотне художник, как и положено голландцу, изобразил замерзший канал, мельницу и мальчика на коньках. По замыслу автора, лед оказался недостаточно крепким, и треснул под весом юного конькобежца. Шарлотта собиралась восстановить фрагмент, изображавший полынью, в которую провалилась нога с привязанным самодельным коньком. Девушка собрала кисти, вытерла пролившийся растворитель и села за работу.

Из всех направлений живописи Шарлотта больше всего любила голландскую школу с реалистичным сюжетом, коровами и мельницами, яркими красками бытовых сценок и холодными тонами зимних пейзажей. Как большинству северян, ей были дороги и понятны каналы в снегу и морские гавани с закованными в лед парусниками.

Природа дала девушке легкость и точность в работе, безупречное владение кистью и красками, что позволяло надеяться на внимание руководства и повышение зарплаты. Внимание руководства, безусловно, имелось, только прибавляло оно не зарплату, а работу. И радость творчества все чаще омрачалась бесконечными никчемными заданиями и невыполнимыми требованиями. Ставшее анекдотом поручение нарисовать семь красных линий, да еще и так, чтобы некоторые из них были зеленого цвета, наверняка придумал кто-то из ее начальников.

За семь лет работы в Галерее Шарлотта Малер освоила многие премудрости своей профессии и даже написала несколько статей, посвященных технике реставрации, которые (не без помощи директора) опубликовали в разных вполне солидных журналах. Однако сегодня работа не клеилась, и Шарлотта решила прибегнуть к проверенному средству, пригласив одну из подруг встретиться в обеденный перерыв за чашечкой кофе.

Шарлотта и Джулия дружили с первого курса Академии художеств. Яркая и темпераментная Джулия считалась одной из лучших студенток реставрационного факультета. И если деканат ценил ее за отличную учебу, то среди друзей Джулия пользовалась любовью за отзывчивость и бескорыстное сочувствие ко всем, кто в нем нуждался. С радостью и горем, бедами и победами все друзья, знакомые и знакомые знакомых шли в маленькую комнату студенческого общежития, стараниями Джулии превращенную в островок домашнего уюта. Много дней провела она, помогая однокурсникам разбирать конспекты; много вечеров просидела на стульях кафе, лавках в парке и подоконниках в студенческом общежитии, выслушивая стоны, жалобы и сокровенные надежды своих однокурсников. Джулия с успехом могла заменить целый взвод психоаналитиков, но почему-то простая мысль делать деньги на советах и сватовстве не приходила ей в голову.

Злые языки прочили ей успешную карьеру и одинокую старость, — не вышло! Получив диплом художника-реставратора, Джулия сделала невозможное — связала брачными узами Анатоля — самого яркого парня на курсе, забросила шпатель и кисти и пребывала в счастливой уверенности, что ее карьера в роли жены, матери и домохозяйки удалась наилучшим образом. Она успевала водить сыновей

в спортивные секции, делать с ними уроки, готовить на ужин фантастические блюда, посещать распродажи и выбивать в муниципалитете льготы, пособия и бесплатные школьные обеды — тот самый социальный пакет, ради которого банковские операционистки сидят вечерами в офисах, не смея мечтать о свиданиях, детях и отпуске длиною в месяц.

С трудом дождавшись назначенного часа, красная от волнения Шарлотта влетела в кафе напротив Галереи. С самого утра два мощных кондиционера трудились, наполняя холодным воздухом пространство между подчеркнуто грубыми кирпичными стенами, больше подходившими для пивного бара, чем для кондитерской. От неожиданности девушка остановилась, давая себе привыкнуть к холодному сумраку зала.

Джулия сидела у самого входа, занятая чтением потрепанного журнала.

— Привет! — Шарлотта присела напротив, выискивая глазами официантку.

— Ты еще не обедала? Я заказала кофе и блинчики, — низкий голос подружки действовал успокаивающе.

Шарлотта собралась озвучить полный список своих проблем. Джулия приготовилась обсуждать. Нуждаясь больше в слушателях, чем в советчиках, Шарлотта пересказывала события прошедшего утра.

— Ума не приложу, что делать с этими картинками! Шеф сказал, что они такие темные, что и сюжет не разобрать.

— Почитай что-нибудь.

— Что? В библиотеке я уже была, там нет ничего толкового, в интернете сплошная реклама.

— А помнишь, как мы сдавали историю религии?

— Грибку-то?

— Ага. Какой же он все-таки был мелкий и не-
суразный... И помнишь этот его коронный вопрос?
«Что вам больше по душе, милочка: история искус-
ства или история религии?»

— Мне тогда билет на тему евангелистов достался.
А я как раз Казандзакиса в каникулы читала.

— А в Галерее подобные экземпляры есть? Посмо-
три на них, Таксиля полистай, — зашлась Джулия
низким смехом.

— Те, что в фондах Галереи, — в отличном со-
стоянии, да и большой ценности не представляют.
А с монастырскими будет ворох проблем.

— А начальник у тебя для чего? Если подчинен-
ный чего-то не знает, — он должен спросить у шефа.
Подходишь и хлопаешь глазами. Пусть почувствует
себя умным.

— Знал бы — сразу бы сказал, а так он скорее себя
почувствует глупым. И, чтобы я не дай бог не задала
вопроса, заранее начнет кричать. Нет невыполни-
мых работ, когда их не нужно делать самому.

Джулия задумалась. Некоторое время подруги
молча пили кофе. Шарлотта уныло разглядывала
пятно на своем рукаве.

— Тогда тебе нужно выйти замуж и уйти с работы.
Пусть шеф сам жучков ловит.

— За кого?

— За Алекса. Он умный, образованный, интелли-
гентный. Богатый!

Алекс Стэйб считался первой любовью Шарлот-
ты, а по совместительству был еще и внуком Юргена
Стэйба — лучшего друга ее дедушки. Все почему-то
решили, что когда-нибудь Шари (так домашние на-
зывали Шарлотту) выйдет замуж за Алекса. Он был
старше ее на семь лет, получил блестящее образова-
ние и быстро продвигался по карьерной лестнице,
обладая незаурядным умом и талантом финансового

аналитика. Безусловно, в первое время значительная часть его успехов объяснялась протекцией деда, входившего в Совет директоров одного из крупнейших банков, но Алекс оказался способным учеником, превосходившим пращура в упорстве и трудолюбии.

Шарлотте нравилась вся их семья, особенно дедушка Юрген, любивший ее, как родную внучку. Алекс унаследовал ум и обаяние деда, но женщины обходили его вниманием из-за скромного роста. А, возможно, еще и потому, что со студенческих лет он зачем-то брился наголо. Шарлотта стеснялась звать его в компанию своих друзей. В среде художников ценились длинные волосы, трехдневная щетина и нарочитое презрение к финансистам.

— Карьера его испортила. Он стал таким занудой! И к тому же я выше его сантиметров на десять.

— Откажешься от каблучков. Чем он сейчас занимается?

— Организовал агентство «Промышленные инвестиции».

— Как это?

— По поручению клиентов разрабатывает планы строительства заводов, находит кредиторов и подрядчиков, а, запустив предприятие, передает бизнес заказчику.

— За это хорошо платят?

— У Стэйба нюх на большие деньги.

Шарлотта замолчала, вспоминая последнюю встречу с Алексом. Он снова предлагал ей руку и сердце. А еще обстоятельно рассказывал, как вникал в детали очередного расчета, вел переговоры, искал подрядчика...

Алекс действительно вкладывал душу в каждый из своих проектов, поэтому в тот вечер долго объяснял суть нового замысла. В конце разговора Шарлотта наконец поняла: агентству до зарезу нужны деньги.

Воспоминания о Стэйбе вызывали чувство вины, словно все вокруг надеялись на их скорую свадьбу, покупали подарки и готовились пить шампанское, а она взяла и передумала. Чтобы отвлечься, Шарлотта принялась считать горошины на косынке, изящно облежавшей шею Джулии. Ей всегда хотелось научиться так же эффектно носить шарфы, но, как она ни старалась, даже самый аккуратный узел через десять минут развязывался, платок съезжал на бок и мялся. Некстати вспомнился и забрызганный рукав. Подруги помолчали. Шарлотта попыталась пересказать суть одного из блестящих проектов Стэйба, но вовремя поняла, что эта задача ей не по силам.

— У агентства сейчас солидный портфель заказов. А дедушка Алекса месяц назад умер.

— Деньги оставил внуку?

— Да, только для их получения нужно выполнить несколько условий. Непонятное какое-то завещание.

— Разберется, — уверенно заявила Джулия.

Шарлотта печально вздохнула.

— Снова делал предложение. Я отказала.

— Может, зря?

— Не могу представить его лысую голову на своей подушке. Так что придется бороться с жучком... И с начальником.

Шарлотта покрутила чашку и вылила кофейную гущу в блюдце. Густая коричневая масса вытекла, образовав почти правильную окружность. Гадание не получилось.

— Мне пора, — сказала Джулия. — Может, тебе в монастырь съездить? Наверняка там есть кто-то, отвечающий за сохранность инвентаря, — с ним и поговори. Хороший завхоз — он как хранитель музея. Заодно атмосферой проникнешься. Анатолий говорит, что нужно чувствовать не только картину, но и место, в котором она находится.

- В монастырях тоже есть завхозы?
- А как же! Только они по-другому называются.
- Попробую! Обед заканчивается, — я побежала.

Мужу привет!

И женщины выпорхнули из кафе на теплую солнечную улицу.

У неприметной двери служебного входа Шарлотта задержалась, вдыхая ароматы уходящего лета. Так она оттягивала возвращение в тесную реставрационную мастерскую, с неистребимыми запахами пыли, краски и старой канализации.

За пышными кустами шиповника виднелись главный вход в Галерею и большой сквер со старыми липами. Немногочисленные посетители позировали на фоне гранитной лестницы, срывая через чугунную ограду крупные глянцевые ягоды, и никуда не спешили. Рыжеволосый парень с похожим на игрушечный телескоп фотоаппаратом залюбовался ладной фигуркой Шарлотты и приветливо помахал рукой. Одарив туриста ответной улыбкой, та взялась за дверную ручку и остановилась. Предстоящая поездка в монастырь вызывала смутное беспокойство. Хотелось медленно пройти по скверу, вдохнуть запах травы и полюбоваться золотыми прядями, появившимися в зелени деревьев.

Совсем скоро кончится еще одно лето. Хорошо бы наконец решиться уйти из Галереи и рисовать иллюстрации к книгам, журналам и обложкам блокнотов, которые люди дарят друзьям на Новый год. У Шарлотты тоже имелся красочный блокнот, в который она записывала свои сокровенные желания, чтобы прошептать их в новогоднюю ночь. Первым пунктом значилось обретение смелости для отправки рисунков в какое-нибудь издательство, вторым — удачное замужество.

Вселенная шепот выслушивала, но понимала как-то по-своему. Папки с великолепными рисунками пылились на шкафах, в очереди воздыхателей значился один только Алекс Стэйб.

2. Монастырь Святого Николая

Прибывшие через день картины вдохновения не вызвали. На потемневших от времени досках, сквозь слой черной плесени угадывался библейский сюжет. Суровые силуэты угнетали Шарлотту, как Реквием — Моцарта. Чтобы полюбить далекие от жизни и реальности изображения, нужно было пропитаться символикой, поверить в высшее предназначение ветхозаветных персонажей.

Работа в руках Шарлотты шла быстро и легко, только когда ей действительно удавалось «почувствовать» картину. Библейские сюжеты она не чувствовала никогда. То ли потому, что в детстве ее не водили в церковь, то ли потому, что еще один дедушкин друг, по имени Александр, заходя в гости, часто рассказывал забавные истории, случавшиеся в монастыре, где он занимал какую-то непонятную Шарлотте должность. После его рассказов церковь переставала казаться чем-то особенным и благоговения не вызывала. Позднее тот знакомый уехал из города. От дедушки Шарлотта узнала, что Александр крупно поссорился с Юргеном.

Привезенные из монастыря экспонаты выглядели ужасно, на значительной площади рисунок лишь смутно угадывался по остаткам вздувшейся краски. Как удалось довести до столь печального состояния древние изображения, осталось загадкой. Еще сложнее было понять замысел автора и восстановить недостающие фрагменты.

Шарлотта попросила разрешение связаться с ризничим, отвечавшим за церковную утварь. Он мог бы вкратце описать условия хранения и, возможно, имел фотографии, необходимые для полноценной реставрации. Получив благословение начальства, девушка позвонила в монастырь и договорилась о встрече.

Монастырь Святого Николая считался одним из богатейших в стране. Удобное расположение, хорошо организованная реклама, отлаженная система приема гостей, широкий выбор печатной и сувенирной продукции делали его флагманом туристической и паломнической индустрии.

От старинного города, в центре которого неприступной твердыней белели стены огромного монастыря, столицу отделяло двухчасовое путешествие на скоростном поезде. Сам город был нищ и гол, заплатки нового асфальта перемежались с потрескавшимся покрытием сорокалетней давности. Шарлотта бывала здесь раньше, но детские воспоминания относились, скорее к великолепному магазину игрушек у вокзала и парку с каруселью в виде поросят, на которой было так весело кататься с мамой.

Сейчас парк аттракционов казался очень маленьким, так что за деревьями можно было разглядеть яркие карусели и новенький киоск для продажи мороженого. Магазин игрушек, наоборот, вырос до размеров торгового центра и отгородился от железной дороги большой автомобильной парковкой. Пыльные ряды старинных улиц разнообразили недавно выросшие бетонные коробки. Шарлотта с грустью разглядывала облупленные фасады и вспомнила слова Алекса о том, что люди уезжают из маленьких городов потому, что не могут найти работу. Из-за заборов свешивались ветки, отяжеленные созревшими яблоками. Над общей убогостью парил, будто при-

шедший из другого мира, белоснежный ковчег монастыря Святого Николая.

В автобусе, сновавшем между вокзалом и монастырем, Шарлотте удалось занять место у окна. Как зачарованная, она не могла оторвать глаз от величественной панорамы куполов и крыш, расставленных вокруг изящной колокольни с высокими арками звонницы. Святая обитель стояла на месте слияния двух рек, окруженная неприступной стеной, словно продолжавшей крутой холм и повторявшей изгиб берега.

Пока старенький рейсовый автобус сражался со своими двухэтажными собратьями за право подъехать к остановке, Шарлотта пыталась оценить годовой бюджет монастыря. Сумма, вероятно, была внушительная: семинария занималась подготовкой священников для больниц, армии и флота. Кроме того, настоятель имел весомый авторитет в области истории религии и организовал в стенах обители музей церковной живописи.

Выйдя из автобуса, Шарлотта постояла над обрывом. Уходящий вниз склон когда-то укрывал душистый розовый клевер. Несколько лет назад его заменили на искусственно выведенный сорт безликой вечнозеленой травки, и пейзаж утратил часть красок и запахов. Над сливающимися реками еще клубился туман, обещающий теплый солнечный день.

Тяжелые монастырские ворота открылись, пропускающая спешащие экскурсионные группы и степенных паломников. Отказавшись от попытки сфотографировать сверкающее великолепие куполов, Шарлотта последовала за вездесущими китайскими туристами. Их громкая речь напоминала симфонический оркестр, настроивающий инструменты перед выступлением.

Миновав первые ворота, она оказалась во дворе, окруженном рядами сувенирных киосков. Сунув нос

в один из них, девушка выбрала альбом с видами монастыря и набор открыток. Торговавший книгами монах оживленно беседовал с паломницей и не спешил брать у покупателей деньги.

— Вы были у Большого Святого источника? Расскажите про него, — глаза монаха горели неподдельным интересом.

— Он огромный, и вода в нем голубоватая даже в пасмурный день.

— А купель там есть?

— Деревянная, и кабинки для переодевания сделаны.

— А церковь? Какая она?

Прерывать диалог не хотелось. Пока длилась беседа, Шарлотта выбрала еще пару книг и брошюру с планом территории на обложке. Тяжеловато, но лямки у рюкзака крепкие. Альбом потом можно будет кому-нибудь подарить.

Ризничий встретил ее в музее, показал экспозицию и хранилище — вполне современные, хотя и тесноватые. Прогретые за лето стены отдавали свое тепло, и, осматривая помещение, девушка почувствовала, как взмокла под шелковой косынкой шея.

— Картины, переданные на реставрацию, — пояснил ризничий, — получены в дар, так что ответственность за их состояние полностью лежит на прежнем владельце.

О древности и ценности работы безымянного мастера Шарлотта уже догадалась. Снимков и описаний, которые помогли бы восстановить утраченные фрагменты картин, в монастыре не было. Что ж, придется разбираться самой. Жаль потраченного времени, но раз уж она приехала в такую даль, нужно осмотреть это чудо архитектуры. Ризничий показал примерный маршрут осмотра территории и настоятельно рекомендовал взобраться на колокольню. Его

светские манеры и подтянутая фигура в сочетании с низким голосом очаровали гостью, хотя он и не сказал о картинах ничего нового.

Долговременный экономический кризис проник и на монастырское подворье. Главный собор, издавна сверкавший сахарной белизной, вблизи разочаровал бугристыми стенами с дождевыми потеками вокруг водосточных труб.

Несмотря на то, что билет на колокольню оказался весьма недешевым, на четвертом пролете лестницы освещение закончилось, и идущие впереди туристы топтались на месте, ощупывая стены в поисках прохода. Наконец, кто-то догадался включить фонарик мобильного телефона, осветивший сразу две двери, одна из которых, как оказалось, вела в кладовку. К счастью, за второй дверью нашлась лестница, освещенная пыльной лампочкой. Ее света оказалось достаточно, чтобы, не свернув шею, подняться на верхний ярус, открывавший вид на город и речной простор.

Выбравшись на смотровую площадку, туристы хватились за бинокли, фотоаппараты и видеокамеры, — от величия панорамы замирало сердце. Плотный холодный ветер звенел в ушах, все тело наполнялось невероятной силой и каким-то густым низким звуком, напоминавшем гул колокольной бронзы. Шарлотта хотела посмотреть сверху на уставные постройки кладуры — внутреннего двора, закрытого для посторонних, но от высоты кружилась голова, и она перевела взгляд на реки, уходившие за горизонт, и синевато-зеленые волны лесов, подступавшие к границе города.

Смотровая площадка не могла вместить всех желающих, и девушка с сожалением направилась вниз.

Очутившись на улице, Шарлотта пожалела, что не взяла с собой бутылку питьевой воды. От жары и слепящего солнца она не сразу смогла разобраться в многочисленных монастырских постройках. Экс-

курсионные автобусы останавливались у смотровой площадки на высоком краю обрыва. Оттуда поток гостей плавно тек к соборной площади по основному проходу, оставляя без внимания многочисленные строения позади колокольни. За площадью начинался пологий спуск к нижней стоянке, где те же автобусы подхватывали туристов, чтобы вернуть на вокзал.

Кобеду Шарлотта обошла большинство доступных помещений, посидела на теплой деревянной скамье у роскошного сада — обязательного элемента монастырей, символизирующего райские кущи, купила еще несколько книг с фотографиями и теперь искала подходящее место в тени, чтобы заглянуть в железнодорожное расписание. Вполне приличную тень давало длинное помещение столярной мастерской, куда девушка и направилась, сокращая путь к выходу из монастыря. Съеденный дома завтрак никак не мог считаться сытным, и она давно уже чувствовала усталость и голод. Есть всухомятку румяные монастырские пирожки не хотелось, а другой еды у нее не было. Шарлотта сверилась с путеводителем и продолжила осмотр территории. До поезда оставалось достаточно времени, чтобы насладиться запахом свежих стружек, насыпанных горкой в проходе между мастерской и пустующим двухэтажным строением, значившимся на плане как здание госпиталя XIX века.

3. Послушание брата Лукаса

Ежедневным послушанием брата Лукаса считалась работа в столярной мастерской, производившей многочисленные предметы монастырской мебели. Среднего роста, светловолосый и сероглазый, ничем не примечательный брат Лукас обладал изрядной

физической силой, которую, впрочем, не спешил показывать посторонним. Оставаясь наедине со столярными инструментами, он играючи поднимал длинные церковные скамьи и тяжелые дубовые столешницы, но стоило проникнуть в помещение чужому взгляду, как сила Лукаса куда-то пропадала, и он становился совершенно заурядным мужчиной, устало переставлявшим готовые стулья и с натугой волочившим стенку будущего шкафа.

К полудню в окна столярной мастерской заглянуло ласковое солнце. Брат Лукас беседовал с человеком в спортивной куртке и светлой полотняной кепке. Монах стоял спиной к стеллажам, забитым рубанками разной длины, молотками и какими-то замысловатыми инструментами, о назначении которых его не сведущий в плотницком деле собеседник мог только догадываться. Впрочем, гость был настолько поглощен разговором, что не замечал ни горячих солнечных лучей, припекающих через окно его спину, ни горьковатого запаха древесины, ни золотистых стружек, покрывавших пол.

В отличие от него, занятый работой брат Лукас иногда бросал взгляд на приоткрытую дверь, прислушиваясь к звукам, доносившимся снаружи. Веселое чириканье воробьев сообщало о том, что за порогом никого нет.

— Тебе приказано немедленно сворачивать работу и уходить, — настаивал гость.

— Я почти закончил. Еще один день, и возвращаюсь, — почти беззвучно отвечал монах, аккуратно срезая рубанком золотистую стружку.

— Ты можешь отдать мне документы, чтобы уйти налегке.

— Нет, Марис. Документы спрятаны не здесь, а я не могу покидать мастерскую в неположенное время. Я заберу их, когда буду уходить, и привезу тебе сам.

Желание доставить добытую информацию лично было вызвано отнюдь не честолюбием Лукаса. Он вполне доверял Марису, но интуитивно чувствовал, что в этот раз надежнее будет все сделать самому. Собеседник, уловив его решимость, не настаивал.

— Хорошо, только не жди до завтра... Лучше бы тебе уйти прямо сейчас!

— Я понял. Спасибо! Тебе пора, — нас могут заметить, — сказал монах еще тише и прислушался.

Что-то изменилось в гомоне воробьев, и он сделал предостерегающий жест, но его собеседник уже растворился в дверном проеме. Монах осторожно выглянул на улицу. Фигура Мариса бесшумно удалялась по узкому проходу, отделявшему столярную мастерскую от ныне пустующего здания монастырской больницы. Потревоженные воробьи перелетели на другую крышу, Лукас вернулся к своей работе, оставив дверь открытой.

Перед самым выходом на соборную площадь больничная стена уходила вправо, образуя двухметровую нишу, в которой когда-то стояла бочка для сбора дождевой воды. После прокладки водопровода бочку убрали, под водосточную трубу положили гранитную плиту с выдолбленной ложбинкой, по которой дождевые потоки стекали во двор, скапливаясь между крупными камнями мостовой и заполняя неровности рельефа. В этом сыром, недоступном солнечным лучам углу, за поведением воробьев наблюдал монастырский дьякон Филипп.

Обходя глубокую лужу по зеленоватым камням, Марис шагнул по направлению к нише и слишком поздно заметил человека с ножом в руке. Дьякон взмахнул рукой, и обладатель светлой кепки рухнул на гранитный желоб с перерезанным горлом.

Вытерев нож об одежду убитого, Филипп опустился на колени и стал методично обшаривать карманы жертвы. Не найдя того, ради чего пришлось совершить столь тяжкий грех, он поднялся с колен и только тогда увидел девушку, идущую со стороны монастырского сада.

Погруженная в свой телефон, она заметила лежавшего на земле Мариса и склонившегося над ним человека, только когда приблизилась к ним вплотную. От неожиданности она пискнула, развернулась и побежала назад вдоль здания столярной мастерской. Дьякон кинулся вдогонку, она услышала его дыхание и хотела закричать, но слова застряли в горле. До конца прохода оставалось еще несколько метров, и неизвестно — есть ли кто-нибудь из туристов на площади! Шарлотта, а это была она, обернулась посмотреть — не отстал ли от нее преследователь, но тут ее нога подвернулась, и девушка упала на землю, больно ударившись о брусчатку. Выпавший из руки телефон звякнул о камень и разлетелся на три части.

После ухода Мариса брат Лукас постоял у верстака, прислушиваясь к звукам, доносившимся снаружи. Разлетевшиеся при виде Мариса воробьи почему-то не вернулись к своим разговорам, и монах насторожился. Чувство опасности не позволяло снова углубиться в работу, и он направился к двери, продолжая держать в руках рубанок.

В ту же минуту на улице послышался странный шорох, и перед дверью столярной мастерской упал телефонный аккумулятор. Брат Лукас остановился. Он надеялся увидеть растяпу-туриста, выронившего мобильник, но проход оставался пустым. Не дождавшись хозяина, собирающего фрагменты своего телефона, монах шагнул за порог и увидел

дьякона Филиппа с ножом, готовым опуститься на лежащую у стены девушку, и тело Мариса на краю зеленоватой лужи.

Чтобы остановить занесенную для удара руку, требовалось сделать всего три шага, но на пути лежала девушка и ее рюкзак. Лукас понял, что не успеет, и с силой метнул рубанок в дьякона. Инструмент попал точно в цель. Кулак с зажатым клинком продолжал по инерции опускаться, но хватка уже слабела, и Филипп осел на землю, ткнувшись носом в замшелые булыжники.

Лукас подошел поближе, внимательно осмотрел разбитую голову дьякона, взял мертвеца за плечи и затащил в помещение мастерской. Потом также хладнокровно отнес туда Мариса и прикрыл дверь. Шарлотта, как зачарованная, следила за его действиями, даже не пытаясь убежать.

Монах подобрал телефон, вставил аккумулятор, закрыл крышку и протянул девушке. Та продолжала молча сидеть на земле.

— Кажется, я подросел вовремя! Ты видела, как он убил его? — монах кивнул головой по направлению к нише, где недавно лежал Марис.

Девушка испуганно замотала головой. Она ничего не видела и, только подойдя вплотную, поняла, что человек в луже мертв. А потом этот тип погнался за ней с ножом! От волнения, усталости и зноя шумело в ушах. Ей хотелось, как в компьютере, нажать клавишу «escapе» или иконку с обратной стрелкой, чтобы отменить все, произошедшее за последние минуты. Она даже пошарила рукой по камням в поисках компьютерной мыши, потом покраснела и неловко поднялась, опираясь о стену и стараясь не смотреть на стоящего рядом брата Лукаса. «Бояться надо живых, а не мертвых», — мелькнуло в голове, ноги предательски подкосились,

и она упала бы снова, если бы монах не подхватил ее свободной рукой. Поднятый телефон мешал поддерживать незнакомку двумя руками, и он прижал ее к себе, удерживая на ногах. Прядь мягких, пахнущих сиренью волос скользнула по обветренным губам Лукаса. «Откуда в сентябре сирень? — подумал он и снова потянул носом воздух. — Останется ли она стоять, если я уберу руку?»

Прикосновения и запах смутили монаха. За год, проведенный в стенах обители, он уже забыл, как приятно находиться рядом с женщиной и чувствовать другой, непостижимый аромат, совсем не похожий на запахи мужского монастыря. Некоторое время он стоял, разглядывая короткие русые волосы и длинные серьги, бросавшие отсвет на воротник шелковой куртки. Лукас помахал рукой с зажатым телефоном, и этот жест привел ее в чувство. Незнакомка отстранилась, едва коснувшись руки мужчины, взяла телефон и оглянулась, выбирая путь к отступлению.

— Ты в порядке, — слова монаха звучали скорее как утверждение, нежели как вопрос.

Шарлотта, которая была совсем не в порядке, послушно кивнула.

— Получается, я нарушил заповедь «не убий», и теперь меня ждет долгое разбирательство с настоятелем. А тебе нужно незаметно покинуть это место. Я доведу тебя до калитки, и дальше ты сможешь вернуться в город сама.

Тихий баритон успокоил Шарлотту, и навстречу мозолистой мужской ладони доверчиво потянулась узкая рука с тонким серебряным браслетом на запястье.

Усилием воли Лукас перевел взгляд от изящного женского ушка на испачканные колени:

— Джинсы без прорех теперь не в моде!

Девушка шутку не оценила, но мысли ее переключились на беспорядок в одежде, и оцепенение прошло.

— Пойдем, я покажу кратчайший путь к автобусу.

Вмешательство полиции не входило в планы Лукаса. Крепко взяв незнакомку за руку, он увлек ее подальше от площади и центральных ворот, где она могла привлечь внимание своим испуганным видом. Быстрыми шагами миновав двор, обойдя оранжерею и посадки яблонь за ней, они оказались у отштукатуренной стены, отделявшей монастырь от суетного мира. Высокую ограду обнимали мощные лозы девичьего винограда. Покрасневшие листья подчеркивали белизну известковой кладки. Внизу росли высокие кусты шиповника с крупными, уже высохшими ягодами, за ними вилась дорожка, протоптанная многими поколениями монастырских садовников.

Дойдя до тропинки, Лукас выпустил руку Шарлотты и быстро пошел вперед. Через несколько метров тропинка привела их к деревянной калитке. Когда-то через нее выбрасывали за пределы монастыря старую траву и обрезанные ветки. Подергав за ручку, монах убедился, что замок закрыт. Ключа у него не было.

Отойдя на некоторое расстояние, Лукас несколько раз вздохнул, сосредоточился и резким ударом ноги сшиб дверь с петель. Наклонившись, чтобы не удариться головой, они проскользнули в открывшийся проем и оказались на крутом склоне за монастырской стеной. Внизу шумела дорога, скрытая бурно разросшимися кустами черемухи и боярышника. В преддверии золотой осени листья начали приобретать неповторимый багряно-коричневый цвет, воспетый многими романтическими натурами.

Брат Лукас не был романтиком. Более того, с мальчишеских лет он знал, чем чреват проход через боярышниковую изгородь, и даже почесался, вспоминая, как однажды, в детстве, удирая от бродячей собаки,

расцарапал себе лицо и руки. О том, что стало с новенькой футболкой с профилем пирата, подаренной теткой накануне, он тоже вспомнил. За давностью лет огорчение почти забылось. Теперь же, при виде больших блестящих шипов, Лукас живо представил, что будет с шелковой курткой девушки после встречи с ними, и провел ее чуть дальше, к просвету между кустами, заполненному крапивой. Выросшие на куче старых листьев стебли доставали ему до пояса. «Если поднять руки, то вполне можно пройти и не обжечься», — подумал Лукас, а вслух произнес:

— Постарайся незаметно выйти к дороге. Метров через триста будет автобусная остановка. Автобус ходит часто. В городе смешаешься с толпой и забудешь все, как страшный сон.

Терять время Лукас больше не мог, поэтому аккуратно взял девушку за локоть, подвел к зарослям и легонько подтолкнул вперед. К его удивлению, Шарлотта, имевшая большой опыт общения и с колючими кустами, и с крапивой, критически осмотрела предложенный маршрут, прошла несколько метров в сторону боярышника, выбрала самый высокий куст, опустилась перед ним на четвереньки и ловко поползла по траве, почти не касаясь колючих веток.

Брат Лукас проводил взглядом ножки в белых кроссовках и, покачав головой, вернулся в монастырь.

Успешно миновав недружелюбные заросли, Шарлотта отряхнула колени и побежала вниз по склону. Набережная соединяла промышленную часть города с центром, и водители мчавшихся грузовиков вряд ли обратили внимание на раскрасневшуюся от бега девушку.

Автобусная остановка располагалась довольно далеко от калитки, и Шарлотта, изрядно уставшая, добралась до нее нескоро. К счастью, подошедший

автобус оказался полупустым и шел как раз до вокзала. Непрерывно оглядываясь, ожидая, что каждый новый пассажир окажется преследователем, Шарлотта Малер сидела на заднем сиденье, стуча зубами от страха и крепко сжимая в руках рюкзак.

4. Побег из монастыря

Свою работу в монастыре брат Лукас почти закончил и уже переправил значительную часть информации в Отдел, где в нее теперь вгрызались дотошные аналитики. Оставалось незаметно исчезнуть, прихватив с собой подлинники документов. Предыдущий план бегства из монастыря пошел псу под хвост: человек, пославший Филиппа для ликвидации связного, явно знал, к кому тот направлялся. Хорошо еще, что Лукас не согласился передать Марису документы. В любом случае, действовать придется быстро, пока никто не обнаружил два мертвых тела, лежащих в столярной мастерской. Сначала нужно проникнуть в кабинет благочинного, вынуть из сейфа бумаги, затем достать из собственного тайника собранные улики и документы, надеть мирскую одежду и незаметно покинуть монастырь.

Возвращаться в столярную мастерскую, где ему полагалось находиться, исполняя свое послушание, не имело смысла, и брат Лукас решительно пошел в сторону оранжереи. Войдя в жаркое и влажное помещение, протиснулся за ящики с перегноем и запустил руку в щель между отопительной трубой и лимонной кадкой. Нашупав сверток, он еще раз убедился, что находится в оранжерее один, и вынул пакет, с виду напоминавший упаковку удобрений. Снял целлофановую обертку, развернул промаслен-

ную бумагу и извлек набор тонких отмычек, похожих на хирургические инструменты. Засунув их в бездонный карман рясы, он аккуратно свернул пакет и бумагу и вернул на место под лимонным деревом. После этого, взяв планку от ящика, медленно вышел во внутренний двор, делая вид, будто ищет применение найденной доске, и нырнул в незакрытое подвальное помещение. Отсюда по лестнице можно было незаметно подняться в галерею, ведущую к покоям руководства монастыря. Ловко орудуя отмычкой, монах проник в дверь второго этажа. Осторожно ступая по гулким пустым коридорам, брат Лукас добрался до кабинета благочинного, исполнявшего обязанности первого помощника и заместителя архимандрита.

Прислушавшись к звукам, доносившимся с разных сторон коридора, он аккуратно постучал костяшкой указательного пальца в темную дубовую дверь, подергал за блестящую медную ручку и, убедившись в отсутствии хозяина, вставил отмычку в замок.

Кабинет благочинного выглядел помпезно и уютно. Тяжелые парчовые шторы небрежно раздвинуты: одна портьера заведена за выступ батареи, крайнее кольцо второй от резкого движения слетело с бронзового карниза. Толстый шерстяной ковер казался несоразмерно большим для заставленного мебелью помещения, правый его край прижимал стоящий у стены кожаный диван, левый же на пару сантиметров загибался у основания массивного книжного шкафа.

«Иранский или индийский?» — подумал брат Лукас, приминая высокий ворс черными башмаками со следами древесных опилок.

Обмотав руку полрой рясы, он потянул на себя дверцу шкафа. Внутри стоял новенький сейф с кодовым замком.

Примерно месяц назад он уже пытался проникнуть в тайник. Видимо, хозяин заметил попытку взлома, поскольку решил срочно заменить старый несгораемый шкаф, уже не казавшийся ему надежным. Новый сейф с двойной системой защиты доставили вчера вечером и установили за непрозрачной дверцей книжного шкафа. Сейф оказался настолько тяжелым, что каркас шкафа перекосячился и дверцы перестали закрываться. Брату Лукасу, выполнявшему в монастыре большую часть столярных работ, пришлось изрядно повозиться, прежде чем он смог отрегулировать створки и замки остальных секций.

Выравнивая полки, он обратил внимание, что рабочие, доставившие сейф, не сняли транспортировочные колесики, так что при желании злоумышленники вполне могли похитить сейф целиком, а при наличии чувства юмора — еще и прокатиться на нем верхом по коридору. Монах улыбнулся такой шутке и, присев на корточки, внимательно осмотрел дверцу. Помимо обычного сейфового ключа, для вскрытия требовалось ввести пятизначный код. Зная человеческую психологию, монах был уверен, что для страховки благочинный наверняка где-то записал новый код, и теперь нужно только найти эту запись на заваленном бумагами столе.

Брат Лукас сел в кресло и осмотрелся. Свисающие компьютерные провода исчезали в недрах вделанного в пол лючка сетевых розеток, для чего в ковре было вырезано квадратное отверстие. У монаха не было времени сожалеть о таком варварстве. Он закрыл глаза и вытянул вперед руки. Наверняка бумажка с записью находится где-то поблизости. Не открывая глаз, он опустил ладони на стол, — одна из них накрыла похожий на школьную тетрадку еженедельник в дешевом переплете. Пролистав несколько страниц и не найдя ничего интересного, брат Лукас отогнул

внутренний край обложки и обнаружил несколько записей, состоящих из букв и цифр. Буквенно-цифровые коды — это, скорее всего, пароли к файлам в компьютере. А записанная чуть выше комбинация из пяти цифр — ключ к сейфу.

Исследовать содержимое компьютера, подключенного к внешней сети, не имело смысла. Этим займутся более подготовленные коллеги-хакеры. Сейчас важнее успеть взять документы, которые впоследствии пригодятся в суде.

Аккуратно переписав пароли на листок бумаги, монах вернулся к сейфу. Начинать следовало с механического замка. В этот раз ему повезло больше, — через минуту хорошо смазанная гребенка запора бесшумно отъехала вправо. При нажатии кнопки кодового замка издавали мышинный писк. Наконец в окошке загорелась надпись «OPEN», и дверца слегка приоткрылась.

Монах нагнулся, чтобы ознакомиться с содержимым тайника. Он мог поклясться, что ни один посторонний звук не нарушил тишину, царившую в комнате и прилегающем коридоре. Но тут что-то тяжелое опустилось ему на шею. От удара он качнулся вперед и сильно ударился лбом об угол железной дверцы. Из глаз посыпались искры. Лукас замер, не зная, что сделает противник. Что-то острое впилось ему в плечо. Кот! Мужчина чертыхнулся и расправил плечи. Тучный черно-белый котяра недовольно сполз на пол, оставив на спине монаха зудящие царапины. Должно быть, спросонья принял писк кодового замка за мышинный и решил атаковать.

Отступив назад и используя плечо монаха как промежуточную ступеньку, кот в два прыжка вернулся на шкаф и теперь сидел там, обкусывая коготь на задней лапе. Поцарапанный монах вернулся к изучению содержимого сейфа.